



Живет в Кишиневе (Молдова).

* * *

бредить зимой... в бесприютном бесцветном дне
улиц скукоженных, мрачных застывших лиц
не отыскать покоя... так много «не»,
как потянувшихся вдаль перелётных птиц

только одна вот... ну, улетай же – кыш!
время бросаться в объятья чужих площадей,
улиц, домов, разомлевших на солнце крыш
ну же, лети! не бери примера с людей

те привыкают к дому, как к будке псы
воспоминаний цепь всё бренчит, бренчит
прошлом с будущим ставятся на весы
кто проиграет? да тот же, кто победит

птицам не стоит...сделав прощальный круг,
и – к облакам, на поиск других планет

бредить зимой... всё надеясь: следы разлук
вдруг обретут покой, обретая цвет

СКАЗКА НА НОЧЬ

Потемнело, погрустнело,
Раззевалось, присмирело...
Скрип – в дверях свеча, чепец.
Глянет строго и сердито.
– Почему глаза открыты?
Вот уж я тебе, малец...
– Не ругай меня ты, няня.
Я б уснул, но там, в чулане,
Кто-то стонет и сопит.
Дядька сказывал про Лихо...
– Старый чёрт...Гляди – всё тихо.
Спи, и лихо тоже спит.
Хитрецей блеснули глазки.
– Расскажи-ка, няня, сказку
Про диковинных людей.
Брови хмурятся сурово,
Но слова уж наготове.
– Ладно. Слушай, лиходей.
И польётся, и помчится,
Про царя да про царицу,
Про прекрасную Жар-птицу,
Про Кашееву иглу,
Что на острове Буяне,
Про Добрыню, про Полкана,
Про крестьянского Ивана,
Про лягушку, про стрелу...
Неподдельно восхищенье.

Верно, платой – вдохновенье
Освятит его перо,
Обмакнув сперва в чернила.
Это будет или было?
Померещилось, приснилось,
Сгинуло давным-давно...
Но пока – лишь ночь да сказки.
Вот уже сомкнулись глазки.
Горько плакала свеча.
О героях ли могучих,
О судьбе ли неминуемой,
Что ударит сгоряча
Злобой, сплетнями, наветом
И дуэльным пистолетом...
Чур меня, молчи-молчи!
Няня крестится в испуге.
За окном буянит вьюга,
Волком злобится в ночи.

КРУГ

...во-вторых, потому что тоска разыгралась под вечер.
Даже звёзды тоскуют, смотрясь в помрачевшее озеро.
Стало жаль своей юности. Где вы, тогдашние встречи
И признанья смущённые? Время бесстрастным бульдозером
Разровняло любовь и обиды. А в третьих, а в третьих,
Снова это «курлы»... Равнодушно махнув на прощание
Серебристым крылом, устремилось к закату, и ветер
Как-то шумно вздохнул. Впрочем, он не давал обещания
Быть примерным и тихим.

...А скатерть была белоснежна.
Чашку чая? Прошу...Ах, простите, такая неловкая!
Пальцы мигом отпрянули, и, застеснявшись, надежда
Заслонила багровым румянцем, надменною бровкою.
Как пуглива ты, юность. А может, доверчива слишком.
Ну, какая любовь? Всё случится позднее, поверь мне.
Но однажды столкнувшись (да это...вчерашний мальчишка!),
Вдруг прозреть: всё давно уж случилось.
И это во-первых.